

Е.П.Батьянова, Л.Т.Рюмина

*Георгий Маркелович Токмашев:
просветитель, этнограф,
фольклорист*

Имя Георгия Маркеловича Токмашева в настоящее время известно лишь узкому кругу алтайских фольклористов и историков. Причем в работах фольклористов он до недавнего времени нередко упоминался лишь как «грамотный алтаец», записавший несколько уникальных фольклорных текстов, а в работах историков — как «алтайский националист» и «контрреволюционер». Между тем в алтайской фольклористике, педагогике, этнографии Г.М.Токмашев во многом является первооткрывателем. Ученик Г.Н.Потанина, участник этнографических экспедиций Российской академии наук, он одним из первых начал записывать произведения народного творчества алтайцев на их родном языке. Ему принадлежит открытие алтайского героического эпоса «Когутэй». Токмашев — ведущий автор первых советских учебников для школ на алтайском языке.

Георгий Маркелович Токмашев родился в 1892 г. в с. Челухоеве Кузнецкого уезда Томской губернии в бедной семье «телеутских татар». Телеуты — немногочисленный народ, родственный по своему происхождению и культуре алтайцам. Этническое название «телеуты» восходит к древним тюркам V—VII вв. В XVII в. телеуты имели самостоятельное кочевое государство на юге Западной Сибири и представляли, по определению И.Э.Фишера, «знатнейший народ Сибири»¹. К середине XVIII в. они постепенно из мест своих прежних кочевий «выехали на государево имя» и приняли российское подданство. Значительная их часть расселилась в порубежных сибирских уездах — Кузнецком и Томском. Со временем телеуты перешли к оседлости и образовали в этих уездах ряд селений. Одним из таких селений и было Челухоево (улус Челухоевский, Чолкой), где родился Георгий Токмашев.

Улус Челухоевский описан в дневниках известного тюрколога В.В.Радлова, посетившего это селение во время своего путешествия в 1861 г. «Солкой — большая и богатая деревня, — пишет Радлов, — состоит из 60 деревянных домов и 5—6 плетеных хижин <...> Крещеных татар <...> здесь очень мало. Здешние татары <...> занимаются земледелием и скотоводством. В Солкое живут один башлык (староста) и два шамана <...> Я провел в Солкое почти два дня и записал много песен и легенд»².

За два года до рождения Г.М.Токмашева в жизни с. Челухоева произошло знаменательное событие — здесь было открыто отделение Алтайской духовной миссии, а через год построена и освящена «прекрасная каменная церковь — лучшая из всех церквей миссии по отделке и внутреннему убранству»³. Храм Святого Пантелеймона (так называлась челухоевская церковь) строился на средства московского фабриканта А.С.Миронова в течение трех лет. Украшением церкви стал великолепный резной иконостас. Иконы, ризница, утварь были заказаны Мироновым у лучших московских мастеров. Из Свято-Афонского Андреевского скита в церковь была доставлена чудотворная икона с частицами святых мощей великомученика Пантелеймона. Церковь произвела впечатление даже на закоренелых язычников. Уже в 1895 г. местный священник отметил в своих записках: «Некрещеные бачатские инородцы (телеуты. — *Е.Б., Л.Р.*) ранее относились к церкви и миссионеру враждебно, но ныне понемножку стали проявлять широкое дружественное расположение <...> даже язычники с уважением относятся к челухоевской православной святыне»⁴.

Со временем привычными формами общественного быта с. Челухоева стали коллективные чтения церковных книг, посещения храма, отправление церковных праздников. Христианство относительно мирно уживалось здесь с шаманизмом, создавая своеобразные синкретические формы религии, обрядов, обычаев.

Открытие миссионерского отделения традиционно предполагало организацию при нем школы. Еще основатель миссии выдающийся церковный и общественный деятель Макарий Глухарев считал одним из главных условий успеха миссионерства «заведение школ во всякой деревне»⁵. В с. Челухоеве школа была открыта в том же году, что и отделение миссии. Сначала занятия проходили прямо в доме миссионера, но уже через год для школы было построено специальное каменное здание, в котором также находилось и общежитие для учеников. Школа, как и большинство школ Алтайской миссии, была двухклассной, т.е. рассчитанной на пять-шесть лет обучения. Учеников в ней было обычно около 30. Учились вместе и девочки и мальчики⁶.

Помимо школы миссионеры открыли при челухоевской церкви и библиотеку. Она насчитывала около 300 книг, которыми могли пользоваться как ученики, так и все грамотные жители села.

Георгий Токмашев окончил челухоевскую церковноприходскую школу в 1904 г. Его учителями были «инородец» Дальне-Каргинской волости, выпускник Бийского катехизаторского училища Василий Прокопьевич Кирсанов и дьякон, впоследствии получивший должность миссионера, Иван Кумандин. Старшим миссионером отделения долгие годы был Гавриил Васильевич Оттыгашев, награжденный за безупречную службу орденом Святой Анны третьей степени⁷. Эти люди в своей профессиональной деятельности руководствовались следующим девизом: «Всего больше можешь принести пользы человечеству, если заботиться не только о том, чтобы воздвигать крыши храмов и домов, сколько о том, чтобы возвысить душу каждого человека»⁸. Забегая вперед, отметим, что в отношении своего ученика Георгия Токмашева эту благородную миссию они выполнили с успехом.

По окончании школы Георгий пошел работать пастухом на конный завод. Но, побуждаемый желанием учиться, в 1910 г. он отправляется в Томск. Попытка поступить в Томскую духовную семинарию кончается неудачей. Переросток, не имеющий к тому же средств на учение, Георгий выполняет в Томске различную поденную работу.

Между тем губернский город Томск в первые десятилетия XX в. представлял собой «сибирские Афины». Общественную и культурную жизнь города во многом определял известный на всю Россию путешественник, ученый, общественный деятель Григорий Николаевич Потанин. Главный идеолог сибирского областничества, он активно пропагандировал идеи сибирской автономии, выступая в печати с яркими, страстными статьями. По твердому убеждению Потанина, экономическая и культурная самостоятельность отдельных российских регионов должна была стать для России великим благом и привести ее к расцвету. «Местный патриотизм, — говорил Потанин, — это великая культурная сила, если бы <...> в каждой области образовался свой деятельный контингент патриотов, одушевленных желанием, чтобы его область была цветущей, — сколько было бы сделано культурной работы. Если бы это случилось, лицо русской земли сделалось бы неузнаваемо <...> Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве <...> напрасно не трепещи за судьбу России, в полной надежде на ее культурный расцвет и славное будущее — снимем с нее пеленки, которые окутывают ее тело. Пусть в воздухе сво-

бодно расправятся члены этого тела. Пусть каждая область зажжет свое солнце, и вся страна будет иллюминирована»⁹.

Г.Н.Потанин в этот период очень многое делает для развития сибирской науки и культуры. В 1906 г. группа томских ученых и общественных деятелей, собравшись на квартире Григория Николаевича, принимает решение создать Общество изучения Сибири. Главой общества избрали молодого профессора геолога В.А.Обручева. При поддержке томского губернатора Н.Л.Гондатти Общество выпускало «Труды», где печатались статьи по экономике, статистике, этнографии, фольклору Сибири. С обществом сотрудничали представители алтайской интеллигенции: известный художник Г.И.Гуркин, учителя и собиратели фольклора Н.Никифоров, А.Кульджин, К.Танашев. Все они пользовались неизменным вниманием и поддержкой Потанина. Как писал в своих воспоминаниях литературовед Н.М.Мендельсон, «при огромном интересе Потанина к азиатскому Востоку, живые его представители, сибирские инородцы, были предметом постоянных дум, бесед и писаний его»¹⁰.

Много путешествовавший по Алтаю и влюбленный в этот замечательный уголок планеты, Потанин был страстным пропагандистом культуры и искусства алтайских народов. При его поддержке в 1907—1908 г. в Томске была организована выставка работ Григория Ивановича Гуркина, имевшая необыкновенный успех. В марте 1908 г. в Томском отделении Русского музыкального общества композитор, дирижер, этнограф, исследователь музыкальной культуры алтайцев Андрей Викторович Анохин сделал доклад об алтайской и монгольской музыке. Доклад сопровождался прослушиванием фонографических записей и пением алтайских песен учащимися Томской духовной семинарии. По инициативе Потанина в Томске, Барнауле и других сибирских городах демонстрировались камлания алтайских шаманов.

Счастливая судьба свела в Томске Г.М.Токмашева с А.В.Анохиным, Г.Н.Потаниным, Г.И.Гуркиным и другими замечательными людьми из их окружения — профессорами, писателями, общественными деятелями. Знакомство с ними предопределило всю его дальнейшую жизнь. По протекции Потанина и Анохина Георгий в 1911 г. получает помощь Томского общества содействия народному образованию, где начинает брать бесплатные уроки у репетиторов — студентов Томского университета, с тем чтобы впоследствии поступить в учебное заведение. Анохин и Потанин привлекают способного юношу к занятиям наукой. Токмашев помогает Потанину в расшифровке и переводах алтайских фольклорных текстов, работает у него стенографистом. Весьма плодотворным оказывается его участие в фольк-

лорно-этнографических экспедициях к тюркам Саяно-Алтая, организованных Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Комитет возглавлял академик В.В.Радлов. Работая в этих экспедициях под непосредственным руководством Анохина, Токмашев обнаруживает талант фольклориста-собиранья.

7 июня 1913 г. Андрей Викторович Анохин записал в своем дневнике: «Наша экспедиция, состоящая из трех человек, Софьи Константиновны Просвиркиной, Георгия Токмашева (телеута) и меня, [отправилась] из Томска вверх по Томи»¹¹. Экспедиция продолжалась два месяца. Работали в селениях шорцев, кумандинцев, телеутов. Просвиркина выполняла обязанности художника, Токмашев помогал Анохину в записи, обработке и переводе фольклора. Участники экспедиции много работали в родном селе Георгия Маркеловича, в Челухоеве. Здесь ими были собраны самые разнообразные материалы по фольклору и этнографии телеутов, в том числе уникальные сведения по телеутскому шаманству, которые потом легли в основу работы Анохина «Душа и ее свойства по представлению телеутов»¹². На фоновалики Анохиным и Токмашевым были записаны шаманские мистерии, а также песни жителей с. Челухоева. Здесь же, в Челухоеве, участники экспедиции получили от кама Канакая (Николая Алексеевича Челухоева) и от шаманки Пёдök (Федосьи Тыдыковой) два шаманских бубна, которые до настоящего времени хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге (коллекция № 2014-1)¹³.

Весьма интересны этнографические наблюдения, сделанные в тот период непосредственно Токмашевым. Ссылки на них имеются в трудах этнографов. Так, в одной из своих поздних работ Потанин, обосновывая связь шаманства с кузнечным культом, ссылается на наблюдения Георгия Маркеловича: «Г.Токмашев, по личному сообщению, сделанному им мне летом 1915 г., имел случай попасть на камлание в сойотской юрте. Шаман, камлавший внутри юрты, подошел к двери и, отбросив бубен, встал на четвереньки и стал руками рыть землю по-звериному; потом стал требовать, чтобы ему подали железный нож. Тогда толпа присутствовавших стала кричать ему: "Железа в юрте нет, старик Гархан умер и железа ковать некому!"»¹⁴.

Увлечением и подлинной страстью Токмашева становится фольклор народов Алтая. Уже в 1915 г. в «Трудах» Томского общества изучения Сибири выходят «Телеутские материалы, собранные Г.М.Токмашевым»¹⁵. Основу этой публикации составила записанная Георгием Маркеловичем в 1913 г. в с. Челухоеве от телеутского сказителя Чымыя Алагызова «Сказка об Алтай-Куучуны», представляющая собой телеутский вариант популяр-

ного алтайского героического сказания о богатыре Алтай-Буучае. Впервые сказание «Алтай Буучай» было записано в 1880-х годах Н.М.Ядринцевым. Пересказ его сюжета на русском языке Ядринцев передал Потанину, который опубликовал его в известном труде «Очерки Северо-Западной Монголии»¹⁶. Токмашев записал это сказание на телеутском языке (оригинал записи до сих пор не найден) и перевел его по просьбе Потанина на русский язык. Этот перевод под редакцией Потанина и был представлен в «Телеутских материалах». По мнению современных фольклористов, токмашевский вариант сказания отличается от многих других «своей полнотой и подробностью описаний»¹⁷.

В 1914 г. Токмашев записывает уникальнейший образец эпического творчества алтайцев «Когутэй». Но, как мы увидим ниже, опубликовать это замечательное произведение ему удалось лишь 20 лет спустя.

В 1915 г. Токмашев сдает экстерном экзамен при Томской духовной семинарии на звание учителя церковноприходских школ. Решив продолжить учебу, он поступает соискателем на Томские вечерние общеобразовательные курсы и начинает работать конторщиком в Службе пути Томской железной дороги.

Летом 1916 г. Георгий Маркелович помогал А.В.Адрианову, известному археологу, близкому другу Потанина¹⁸, производить археологические раскопки в Туве. В статье М.А.Дэвлет об А.В.Адрианове Токмашев упоминается как «некий» загадочный «Маркелыч»: «В Туве Адрианов во время раскопок помогал приехавший летом из Томска по рекомендации Г.Н.Потанина некий Маркелыч. В середине сентября Адрианов погрузил на плот четыре каменные плиты с "руническими" надписями и в сопровождении Маркелыча отправил их в Минусинск. Маркелыч спешил, ибо "подал прошение об определении его учителем в подвижную инородческую школу где-то на Кондоме"»¹⁹. М.А.Дэвлет справедливо предположила, что этот же Маркелыч упоминается в письме сказителя Р.А.Хлопотина А.В.Анохину, датированном декабрем 1913 г.²⁰.

Его намерение устроиться учителем в «инородческую» школу не осуществилось. Менее чем через полгода грянула Февральская революция. Идея национального самоопределения, пропагандируемая революционерами, была воспринята алтайской интеллигенцией с великим воодушевлением. Первого июля 1917 г. в Бийске открылся Съезд представителей инородческих волостей Горного Алтая, участником которого был Токмашев. Об атмосфере, в которой проходил съезд, поведала газета «Жизнь Алтая»: «Настроение участников съезда мало назвать воодушевлением — они казались одухотворенными строительством новой,

светлой жизни. Это не выработка проектов и форм предстоящего самоуправления, нет, эта работа напоминала что-то дивно прекрасное: здесь невесту к венцу обряжали, здесь каждая мелочь, деталь с любовью прилаживалась к целому, украшалась самым благородным назначением. В общем, настроение съезда внушает веру в будущее этого народа, потому что чувствуется, что у него есть искреннее стремление к свету, свободе и счастью»²¹.

Съезд провозгласил создание Алтайской Горной думы как временного исполнительного органа до признания ее самостоятельной земской единицей. Руководителем Горной думы избрали Г.И.Гуркина. Токмашев был приглашен на работу в Думу в качестве инструктора по народному образованию. Он переезжает из Томска в Бийск и активно включается в политическую деятельность. В августе Горная дума командировала его и С.И.Гуркина (брата художника) в Кузнецкий и Бийский уезды для агитации за партию социалистов-революционеров (эсеров) перед выборами в Учредительное собрание. Со своей миссией агитаторы справились весьма успешно: 80% «инородчества» Алтая голосовало за список партии эсеров²².

О благородном стремлении принести своему народу свободу и счастье, о трудностях, с которыми приходится сталкиваться Горной думе в ее деятельности, Токмашев сообщает в письмах Потанину в Томск, нередко прося у него совета и поддержки. Приводим выдержки из этих писем, хранящихся в архивном фонде Потанина в библиотеке Томского государственного университета:

«Дума еще держится, хлопочет о самостоятельном земстве под названием Горно-Алтайский уезд, — писал он 20 сентября 1917 г. — Идут выборы гласных в земства, в волостные и окружные. Сегодня я еду в Онгудай для введения там земства.

Дорогой Григорий Николаевич! Вы не можете ли написать кому-нибудь в Петроград, чтобы тот, кому Вы напишете, частным образом мог бы поторопить об утверждении нашей Думы в отдельную земскую единицу. Из Министерства запрашивали нас представить материалы, основываясь на которых можно утвердить наши хлопоты, но материалы посланы, только, наверное, лежат под спудом. Нужен человек, стоящий близко ко Временному правительству и который толкнул (бы) наши хлопоты на путь скорейшего утверждения»²³.

«Дорогой Григорий Николаевич, — обращается он к Потанину в следующем письме, — всей душой я и Григорий Иванович (Гуркин. — *Е.Б., Л.Р.*) стараемся помочь своему обездоленному народу и хотим быть полезными ему, стараемся от души и хватаемся за все, чтобы превратить в орудие для достижения наших целей. Как в сказке Алтай Куучуны, конь темчи *жерін ат* ищет живую воду для воскрешения своего хозяина Алтай Куучуны, так же мы, чувствуя (себя) сынами Алтая и любя его, любя свою национальность, стараемся создать своему народу новую жизнь <...>.

Алтайская Горная дума существует и надеется продолжать свое существование при поддержке друзей алтайцев и друзей красот Алтая. Среди гор Алтая в русском населении подыскиваются и враги Алтая <...> Я крайне удивляюсь этим людям. Что с ними случилось? <...> Они говорят: мы социалисты, мы народники и мешают маленькому народу проявить свою самостоятельность в деле устройства своей жизни <...>.

Григорий Иванович ездил в Петроград по делам Думы. Просил министров об утверждении Думы в особую земскую единицу. Только что уехал из Петрограда 24 октября, большевики заняли вокзалы (имеется в виду Октябрьская революция. — *Е.Б., Л.Р.*), если бы опоздал на несколько часов, то остался бы до сего времени там²⁴.

В письмах к Потанину четко прослеживаются политические ориентации Токмашева. Они откровенно антибольшевистские. «В большевиках мало честности», — считает Георгий Маркелович²⁵. Зато он восторженно отзываясь о редактируемой А.В.Адриановым газете «Сибирская жизнь», выражающей позиции эсеров:

«"Сиб. Жизнь" становится единственной газетой, которую можно читать беспристрастно. Я за последнее время читаю лишь ее, а другие партийные газеты <...> кричат и ругаются, утопая в политике, и теперь кажутся как дети, кричащие после драки.

Я любил Александра Васильевича (Адрианова. — *Е.Б., Л.Р.*), а теперь его еще больше люблю <...> Я за статьи, помещаемые в "Сиб. Жизнь", за политику, ведущую[ся] ею, и за направление поцеловал бы дорогого Александра Васильевича»²⁶.

Окунувшись с головой в политику, Токмашев не оставляет занятий фольклором. В том же письме он рассказывает Потанину о своей «жажде заниматься сказками», о работе над переводами собственных фольклорных записей:

«По приезде (так в тексте. — *Е.Б., Л.Р.*) с Алтая я выставил свои сборы и взял за сказку "Кыжан-Ару". Думал перевести ее до конца. Война <...> стремление учиться и служба отвлекли меня от сказок. Теперь во мне зародилась мысль и жажда заниматься сказками. У меня есть сказка переведенная (телеутская) "Боро-Чокур атту Борозы Каан". Не знаю, я давал или нет Вам напечатанный экземпляр. Она напечатана на 83 страницах. Если Вы вздумаете ее прочесть и поместить в какой-нибудь сборник, я пошлю Вам ее. Еще перевести есть сказки "Алгара мерген" и "Ак Каан", эти сказки еще на машинке не переписаны. Скоро будет готов "Кыжан Ару". Быстрому ходу переводов мешает всегда служба»²⁷.

Русский перевод сказания «Борозы Каан», упоминаемого Токмашевым, был опубликован в журнале «Школа и жизнь Сибири» в 1918 г.²⁸. Этот журнал, выразивший политическую платформу

сибирского областничества, был основан в 1917 г. в Томске. Помимо материалов Токмашева в первых номерах журнала было опубликовано еще несколько интересных этнографических работ²⁹, а также «Обращение к гражданам и организациям, интересующимся сибирскими инородцами», подготовленное руководством Алтайской Горной думы. Приводим это обращение, так как оно непосредственно связано с деятельностью Токмашева и показывает, какое большое значение придавало руководство Горной Думы изучению истории, этнографии, географии Алтая:

«По [постановлению Алтайского Инородческого Съезда в г. Бийске <...> учреждена Алтайская Горная дума, задачей которой является содействие национально-культурному возрождению алтайского народа. В этих целях предположено организовать при Думе особое книгохранилище, где были бы сосредоточены все документы и литературные материалы, характеризующие природу и климат Алтая, материальную, духовную и пр. стороны жизни алтайцев. Не располагая нужными для осуществления поставленной задачи средствами, Алтайская Горная дума, рассчитывая на сочувственное отношение лиц и учреждений, интересующихся Алтаем, обращается к ним с горячею просьбой прислать в библиотеку Алтайской Горной думы, если это окажется возможным, все, что имеет то или иное отношение к Алтаю (книги, рукописи, журнальные статьи, портреты, открытки и пр.), а также и к другим сибирским инородцам»³⁰.

Журнал «Школа и жизнь Сибири» крайне негативно откликнулся на «октябрьский переворот» в Петрограде³¹ и с приходом в Томске к власти большевиков вскоре прекратил свое существование.

Тексту токмашевского перевода «Борозы Каан», опубликованного в первых номерах журнала, предшествует предисловие автора³², где он указывает, что записал «сказку» во время поездки с Анохиным в с. Челухоево от сказителя Чымыя в 1913 г. и что, работая над ее переводом, «стремился как можно точнее сохранить самое содержание ее, а также все обороты и особенности алтайского (телеутского. — *Е.Б., Л.Р.*) языка»³³. Предисловие содержит разнообразную информацию, касающуюся этнографии и истории телеутов. Автор приводит, в частности, свой вариант бытующей до настоящего времени легенды о происхождении телеутов: «Сказка "Борозы-каан" принадлежит бачатским телеутам, живущим в Кузнецком уезде по реке Бачаты <...> Я сам происхождения алтаец-телеут. Телеутами называется один из алтайских народов. По нашим телеутским преданиям, мы жили в Бачатах задолго до появления там русских. У нас не сохранилось никаких памятников, кроме устных рассказов о том, каким образом мы оказались подданными Русского государства. Наши ба-

чатские предания говорят, что мы пришли сюда, в Бачаты, из-за реки Иртыш за своим могучим богатырем Шуни-Кайраканом, который родился от нашего бывшего хана Кондаи и его первой жены, а от второй жены Кондаи родились два мальчика — Амыр-Санаа и Темир-Санаа, которые, выросши, стали бороться с Шуни-Кайраканом за престол. После многих поражений Шуни-Кайракан бежал, отказавшись от первенства, захватив с собой свой любимый народ — телеутов. Оставив нас в Бачатах, сам он отправился к русскому царю предлагать свои услуги участвовать в тех многочисленных войнах, которые вел русский царь. Шуни-Кайракан долго жил при русском дворе. Прощаясь с царем, он сказал ему: "Вручаю тебе свой народ. Если ты или кто-нибудь из твоего поколения позволит себе обижать телеутов, то я вернусь обратно и соберу их. Если они к тому времени перемешаются с русским народом, на девятом поколении узнаю по глазам свой народ и отведу его от русских, как ячмень от пшеницы". Оставив это завещание, Шуни-Кайракан отправился на восток на белом коне, был при дворе китайского царя, а затем исчез неизвестно куда»³⁴.

В рассуждениях автора предисловия о судьбах малых народов Сибири и о роли Алтайской православной миссии чувствуется влияние его авторитетного наставника Г.Н.Потанина — вечного оппозиционера власти и защитника малых народов. Токмашев обыгрывает популярный революционный лозунг того времени: «Царская Россия — тюрьма народов». Отсюда утверждение, что российская политика в Сибири «всегда была направлена на порабощение малых народов, на насильственный захват их земель и к такому господству над ними, которое не давало возможности развиваться этим народам». «Невежественное русское чиновничество, — пишет Токмашев, — веками обиравшее их, не заботилось о просвещении этих народов. Поэтому у нас, алтайцев-телеутов, до настоящего времени нет своей интеллигенции, за исключением нескольких человек. Впрочем, у нас на Алтае давно существует просветительный орган — Алтайская духовная миссия, которая всегда ставила своей целью обращение язычников в православную веру <...> Нужно отдать справедливость миссии, что в среде миссионеров были люди, которые действительно хотели послужить народу, как, например, один из выдающихся миссионеров В.И.Вербицкий. Но поскольку для миссии просвещение являлось делом второстепенным, а главной ее целью было, как я сказал выше, обращение в православную веру, то она (миссия) и не могла способствовать развитию алтайской интеллигенции <...>» Далее выпускник Томской духовной семинарии (!) обвиняет миссию в непочтительном отношении к шаманизму: «Также миссия небрежно относилась к алтайской ре-

лигии — шаманизму, да и не только к шаманизму, ко всей духовной жизни алтайцев. Поэтому она утратила свой авторитет в народе»³⁵.

В конце 1917 г. Горная дума избирает Токмашева членом Сибирского Национального совета. Он возвращается в Томск. Здесь он работает вместе с проф. В.И.Анучиным — известным сибирским этнографом, поборником сибирского областничества. О работе Национального совета, о своих соображениях относительно будущего «устройства Алтая» Токмашев регулярно информирует Горную думу в письмах. В феврале 1918 г. он сообщает в Думу следующее:

«Я лично все-таки мечтаю, если будет возможно, выделиться в особую самостоятельную земскую единицу, в федерацию Алтая в союзе с минусинцами, и, может быть, к нам присоединится Урянхайский край. Очень было бы хорошо и очень возможно <...> В Национальном совете движет почти всю работу В.И.Анучин. Он подает нам готовые законопроекты на наше рассмотрение. Об устройстве Алтая Василий Иванович мыслит так: Алтай должен быть самостоятельным штатом с присоединением к нему минусинцев и Урянхая. Когда он делал мне это предложение, мне показалось очень возможным осуществление этого предложения Анучина, т.е. о соединении этих народов в одну автономию.

Конечно, Анучин как экономист прекрасно знаком со всем устройством республик и приводил много примеров. Выделение в самостоятельный штат — штука очень заманчивая. Почему не быть самостоятельными, почему не пользоваться нам совместно с минусинцами всем богатством Алтая?»³⁶.

В начале 1918 г. Токмашев принимает активное участие в подготовке Учредительного Горно-Алтайского краевого съезда. Накануне съезда он информирует Потанина о ситуации на Алтае и от имени участников съезда посылает ему приветствие:

«Глубокоуважаемый Григорий Николаевич!

Я был на Алтае, по совету Григория Ивановича, рассказывал алтайцам, что такое Учредительное собрание и губернское собрание и для чего мы устраиваем свой съезд <...> не заметил никаких бунтов среди населения. Они, наоборот, ждут Учредительное собрание и уверены, что за вековые угнетения их старым правительством новое правительство удовлетворит их требование <...> свободного пользования выгонами на Алтае, искоренения на Алтае кабинетских дач³⁷, для широкого развития ими скотоводческого хозяйства и т.д. <...> В Бийск уже третий день собираются алтайцы на съезд <...> Дорогой Григорий Николаевич! Приветствую Вас как носившего желания видеть свободной дорожку нашу Сибирь и боровшегося за инородцев, за их благосостояние <...> Привет Григорию Николаевичу от Алтайского съезда. Ваш Г.Токмашев»³⁸.

Горно-Алтайский краевой съезд состоялся в марте 1918 г. На съезде выступил Анучин с докладом «О необходимости объединения земель бывшего государства Ойрот в самостоятельную республику с присоединением к общероссийской республике»³⁹. Создание такой республики съезд отложил до особого курултая — съезда представителей всех земель «бывшего государства Ойрот». На съезде было также объявлено о выделении Горного Алтая в самостоятельный Каракорум-Алтайский округ, центром которого временно объявлялась Улала, впоследствии предполагалось построить новую столицу — г. Каракорум. Была избрана Каракорум-Алтайская управа, в которой Токмашев был сначала назначен инструктором, а затем избран ее членом и зав. отделом по народному образованию и краеведению.

Как одному из руководителей управы Токмашеву приходилось выполнять ряд ответственных миссий. Так, весной 1918 г. в с. Быстряном он вел переговоры по урегулированию вооруженного конфликта между представителями Каракорума и красногвардейцами⁴⁰. Но главным направлением его деятельности становится претворение в жизнь обширной программы по развитию народного образования в Каракорум-Алтайском округе. Программа предполагала открытие новых школ и интернатов, сети воскресных и вечерних школ для взрослых, организацию сельских народных читален и библиотек. В Улале и Онгудае планировалось открыть гимназии. Предполагались создание «культурно-нравственных кружков и обществ», организация любительских спектаклей, открытие кинотеатров, общедоступных вечерних музыкальных школ и пр. Помимо этого Токмашев планировал проведение масштабных этнографических сборов и исследований на Алтае, о чем он информировал Потанина в октябре 1919 г.:

«<...> Я обращаюсь к Вам с просьбой следующей. Не напишете ли Вы нашей Земской управе или предстоящему Каракорумскому земскому собранию от своего лица письмо поддержать мое ходатайство перед земским собранием. Я думаю сделать маленький докладик земскому собранию, которое будет с 1 мая по старому стилю. Буду просить специально ассигнований средств на сбор этнографических материалов. И на эти средства возможно расширить сбор всякого научного материала, используя учителей и других более культурных людей. Я прошу Вас, дорогой Григорий Николаевич, мой план поддержать перед земским собранием своим авторитетным письмом <...>»⁴¹.

Токмашев по-прежнему жалеет, что не хватает времени заниматься любимым делом — фольклором, и рассказывает Потанину о своих случайных фольклорных находках:

«В отношении сбора сказок почти ничего не сделано, записал только одну сказку — это зачем алтайцы на макушке шапки носят красную кисть. История красной кисти на шапке, оказывается, такова. Из Китая или из Тибета в Монголию во времена Чингис-хана прибыл буддийский монах, который стал проповедовать буддизм. Представители шаманизма стали выгонять монаха из пределов Монголии. На границе с неба пущенная стрела попала на темя монаха, из раны от стрелы просочилась кровь. Вот откуда, оказывается, идет ношение на голове кисти. Подробно можно сделать перевод сказки. А суть сказки то, что я написал»⁴².

Весной 1920 г. Токмашев рассылает в местные отделы народного образования предложения «О собирании и зафиксировании памятников быта и народного творчества алтайцев»⁴³. Но осуществить свои этнографические планы Токмашеву не пришлось. 1920 год стал для Георгия Маркеловича временем великих потрясений и потерь. В марте по приговору Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией был расстрелян А.В.Адрианов, а 30 июня скончался Г.Н.Потанин — великий гуманист, наставник и друг Токмашева. В декабре того же года, после восстановления советской власти на Алтае, Токмашев был арестован как член контрреволюционной земской управы и приговорен к расстрелу. Его помиловали, однако два года он провел в заключении⁴⁴.

О последующих годах своей жизни Георгий Маркелович пишет в автобиографии:

«<...> Находился не у дел в своей родной деревне в Кузнецком уезде, с. Челухоевском. Жил у своих родственников, занимаясь в помощь родственникам сельским хозяйством. В 1924 году в ноябре м-це я вернулся в г. Улалу, стал принимать участие в литературной работе»⁴⁵.

В 1925 г. Токмашев женился на Капитолине Александровне Чевалковой, по-видимому родственнице Михаила Чевалкова — первого священника-алтайца, просветителя и писателя, участника потанинской экспедиции 1879 г. О жизни Токмашевых в Улале (с 1932 г. — Ойрот-Тура) вспоминает его сын Александр:

«Отец женился на моей матери в июне 1925 года, когда ему было 32 года, а маме — 23. Мама — уроженка села Мьюта Шебалинского аймака (района) ныне Горно-Алтайской автономной области. В 1928 году родился первенец, мой старший брат Юрий, который прожил всего восемь лет и умер в Иркутске <...> По отрывочным сведениям я знаю, что это был очень одаренный ребенок. В свои восемь лет, будучи прикованным к постели, он прочитал много книг: мама открывала ему страницы, а он прочитывал одним взглядом <...>



Г.М.Токмашев с семьей. 1925 г.

Наш дом стоял в центре города (теперь там сквер). Дом был деревянный, двухэтажный, привезенный отцом с родины матери — из деревни Мьюта <...> По воле судьбы я прожил в нем всего три года. Помню, во дворе еще стояла изба, где жили кто-то из наших родственников. Почему-то всплывает в памяти огород и <...> помнятся тыквы с их крупными листьями-дудками. Уже после отец рассказывал мне, что в этом доме у него в гостях бывали такие люди, как Новиков-Прибой А.С., Шишков В.Я., Коптелов А.Л., Заzubрин В.Я., художники и многие другие»⁴⁶.

В этот период Токмашев много трудится на ниве просвещения. В 1926 г. его назначают учителем в Кокуринскую школу-

интернат, где он проработал три года. В 1929—1930 гг. Георгий Маркелович заведует Кош-Агачской опорной школой.

В эти годы на Горном Алтае работала археологическая экспедиция Государственного музея этнографии, руководимая С.И.Руденко и М.П.Грязновым. Георгий Маркелович оказывал помощь ленинградским археологам. Согласно семейному преданию, в сарае Токмашевых несколько дней перед отправкой в Ленинград хранились останки знаменитых лошадей из Пазырыкского кургана.

В 1930 г. облоно командирует Токмашева на работу в Ойротское национальное издательство. Одновременно он преподает алтайский язык в Ойротском педагогическом техникуме и в совпартшколе. Токмашев — постоянный член переводческой комиссии при облоно. Начальство характеризует его как «опытного педагога, хорошего автора и переводчика»⁴⁷. Убедительное свидетельство его активной и успешной работы в области просвещения в этот период — серия подготовленных и опубликованных им лично или в соавторстве школьных учебников и пособий на алтайском языке, включающая около десятка книг⁴⁸.

Помимо учебников и пособий Токмашев в этот период пишет и публикует стихотворения, пьесы. Спектакль по его пьесе «Последний день» в 1930—1931 гг. три раза шел в театре г. Улалы. Он активно публикует свои фольклорные материалы. В 1926 г. в Москве вышла на алтайском языке книга «Тапкактар», где были представлены собранные им материалы телеутского фольклора. Через год он издает в Москве отдельной книгой на алтайском языке эпическое сказание «Ак-Олдош». По издательским делам Георгий Маркелович в 1925 г. впервые побывал в Москве. Впечатлениями об этой поездке он даже много лет спустя делился со своими сыновьями.

Событием в алтайской фольклористике стало издание записанного Токмашевым в 1914 г. алтайского героического сказания «Когутэй». С 1933 по 1935 г. оно издавалось четыре раза. История издания «Когутэя» изложена известным алтайским фольклористом С.С.Суразаковым в книге «Алтайский героический эпос»: «В начале 30-х годов на Алтай приезжал писатель В.Я.Зазубрин (автор романа "Два мира"). Он заинтересовался собирательской деятельностью Г.М.Токмашова. По его просьбе Токмашов сделал подстрочный перевод одного из записанных им сказаний — "Когутэя". Зазубрин считал "Когутэй" одним из "редкостных и прекраснейших образцов народного творчества". Он взял на себя труд редактирования текста, но фактически был сопереводчиком <...>»⁴⁹. Перевод «Когутэя», подготовленный Токмашевым и Зазубриным, впервые опубликовал в 1933 г. журнал «Новый

мир». Издателям удалось передать высокие художественные достоинства алтайского сказания, свидетельствующие, по мнению писателя А.Л.Коптелова, о том, что «алтайский народный эпос может быть смело поставлен на один уровень с мировым художественным эпосом»⁵⁰. Через два года «Когутэй» вышел отдельной книгой в академической серии «Фольклор», издававшейся под редакцией Ю.М.Соколова⁵¹. Перевод сказания сопровождался вступительной статьей и комментариями известного тюрколога Н.К.Дмитриева. На обложке и титульном листе издания указывалось несколько имен маститых фольклористов, так или иначе связанных с изданием. Токмашев среди них значился лишь как переводчик, хотя справедливее было бы указать также, что он первым открыл и записал этот замечательный памятник фольклора. Увидеть академическое издание своего «Когутэя» Георгию Маркеловичу в то время не пришлось — в 1934 г. он был арестован и осужден на пять лет «за антисоветскую деятельность».

«Отец рассказывал, — вспоминает сын Токмашева Александр, — что приехали за ним глухой ночью, потребовали собраться и увезли на "черном вороне". Отец уже знал, что творится в стране и приготовился к смерти, но его приговорили к пяти годам лишения свободы "за антисоветскую агитацию"»⁵².

Судя по протоколу допроса, Токмашев «признался» в различного рода «преступлениях»: «разжигании недовольства алтайского населения <...> путем агитации», в «развале колхозов», в «проталкивании через учебники и художественную литературу националистических установок», в стремлении создать «под руководством Японии» государство алтайцев «такого же вида, как Манчжоу-Го»⁵³. Обычный набор необоснованных обвинений — в те времена карательные органы умели заставить арестованного беззащитного человека оклеветать и себя и других.

О последующих злоключениях семьи Токмашевых рассказывает его сын Александр:

«По моим представлениям, мы после ареста отца прожили в нашем доме еще год-два. Дядя мой, брат моей матери, Чевалков Никандр Александрович, руководил Ойрот-Туринским областным книжным издательством и был главным редактором областной газеты. Это был честнейший человек, преданный своему народу, выросший во времена эйфории и энтузиазма того времени, был сначала активным комсомольским работником. Учился на высших партийных курсах в Ленинграде. После ареста моего отца над ним также нависла угроза как над родственником "врага народа", и дядя уезжает в Иркутск. Я хорошо помню ту обстановку в Иркутске. Дядя работал там главным редактором (может, я ошибаюсь) областной газеты.

Мать моя, испытав все "прелести" быть женой врага народа, оставшись без средств к существованию с двумя детьми и старой матерью на руках, видимо, по совету ее брата переезжает в Иркутск к нему, зная, что где-то там поблизости находится мой отец. Прожили мы там недолго. Там и умер мой старший брат Юрий.

Однажды Никандр был вызван под каким-то предлогом в Барнаул. Он поехал и был там арестован. Ему предъявили обвинение, типичное для тех лет: троцкизм, ослабление бдительности и т.п. Он был осужден на десять лет без права переписки. Мать моя до конца своей жизни верила, что он вернется. Она не знала, что 10 лет без права переписки означает расстрел.

После ареста дяди мы переехали в г. Тайшет. Там и отбывал мой отец [наказание]. В Тайшете нашлись родственники, а может, просто знакомые по Алтаю, — Косачевы. Сам он был репрессирован, а его жена, тетя Зина, жила там. Здесь мать и дождалась в декабре 1938 года освобождения моего отца.

Я смутно помню тот день. Была какая-то железнодорожная насыпь, были сумерки (или, может, мне так теперь кажется), какие-то заборы с колючей проволокой. Отец вышел, подошел к матери. Они обнялись и о чем-то говорили. Потом отец бросился ко мне, но я убежал от него, крича, что это не мой папка. Вид у него был ужасный: живой скелет.

Когда отец освободился, встал вопрос: куда ехать и на что? Ни средств, ни каких-либо видов на жительство не было. Отец с матерью устраиваются в местный лесхоз чернорабочими, как тогда называли.

Мы жили в лесу, в какой-то лесной избушке. Родители оставляли меня в избушке, а сами пилили лес на дрова, чтобы заработать деньги на проезд. Я днями сидел у окна избушки и видел, как подходили олени дикие, а может, лоси.

Заработав денег, родители приехали в Челухоево в 1939 году. Жили мы в то время на квартире у одной женщины на краю деревни. Отец устроился в колхозе счетоводом. В этом доме зимой родился мой младший брат Михаил. Не могу не отметить, что у отца были еще друзья или сверстники, которых он знал и которые его знали, почему-то все старые мужчины и женщины. Его называли "Тюкай". Что это значит, я не знаю. Может, это имя, а может, просто уважительное отношение.

Что было на душе отца, как теперь рассудить и воспроизвести?

В ноябре 1945 года отец, не имея на руках никаких документов об образовании, попросил своих односельчан Хлопотина Дмитрия Алексеевича, Кильтеева Трифона Ивановича и Челухоева Степана Алексеевича подтвердить, что он действительно имеет право быть учителем. После этого он работал в начальной школе, которая находилась на противоположном берегу р. Бачат в деревне Верховская.

Дальнейшая жизнь моего отца прошла в сплошной борьбе за выживание <...>⁵⁴.



Г.М.Токмашев. 1939 г.

Из воспоминаний младшего сына, Михаила: «Отец, Хлопотин Митян и еще кто-то рассматривают в газете фотоснимок, где Черчилль, Рузвельт, Сталин. Не знаю, то ли это Ялта. Запомнилась только их радость: теперь жить станет легче»⁵⁵.

Но жизнь менялась к лучшему очень медленно. Токмашевы жили бедно, как и подавляющее большинство их односельчан. Правда, они больше не ютились у родственников, а приобрели собственное жилье — купили избушку. Как вспоминает Михаил Токмашев, это был «совсем маленький домик. Деревянный, рубленый, два окошечка, крыша заслана дерном. И приплетенные к нему сени и сарайчик из прутьев <...> Жили по-крестьянски, деревенским трудом, огородик у нас был. Коровка. Такой промысел был у нас в Челухоеве — щетки ковыльные. Ковыль рвали, щетки делали и продавали или же <...> ходили в лес, собирали смородину, потом в Белово на базар возили продавать <...> иногда (правда, отец был не специалистом) сусликов ловили по весне, шкурки сдавали, а мясо ели сами»⁵⁶.

В детях Георгий Маркелович воспитывал любовь к труду, к знаниям, к науке. При удручающей бедности главными семейными реликвиями в доме Токмашевых были два этюда Г.И.Гуркина, большой том Пушкина и книга Тэйлора «Первобытная культура».

Сам Георгий Маркелович хотя и понемногу, но все же продолжал заниматься фольклором. Он общался с местными скази-

телями. Завел тетрадь, куда записывал сказки, пословицы, поговорки, присказки. По мере возможности следил за новой этнографической литературой об алтайских народах. Был знаком с работами Л.П.Потапова.

Иногда рассказывал детям о своих встречах с Потаниным и Анохиным. Добрые чувства к этим людям он сохранил на всю жизнь.

В Челухоеве Токмашев прожил до 1956 г., а когда старший сын Александр обосновался в Прокопьевске, вся семья Токмашевых переселилась туда. До того как Александр получил квартиру, жили в бараке, все в одной комнате. Пенсии ни Георгий Маркелович, ни его жена Капитолина Александровна до конца жизни не получали. Единственным источником их существования в старости стала помощь сына.

В Ойрот-Туру, переименованную в 1948 г. в Горно-Алтайск, Георгий Маркелович больше никогда не ездил и с прежними друзьями и сослуживцами никаких связей не поддерживал. Да и мало кто из них уцелел в период репрессий 1930-х годов. По обвинению в организации контрреволюционного националистического повстанческого центра в 1937 г. был расстрелян Григорий Иванович Гуркин и еще пятеро алтайцев, видных общественных деятелей Ойротской автономной области. В обвинительном заключении по делу Гуркина фигурировала и фамилия Токмашева как одного из участников заговора³⁷. Спасло Токмашева то, что в это время он уже находился в заключении.

С наступлением в стране «оттепели» в середине 50-х годов алтайские фольклористы вспомнили о Токмашеве. Сначала пришло письмо от С.С.Каташа, затем от С.С.Суразакова. Вот это письмо:

«Глубокоуважаемый Георгий Маркелович!

Давно я собирался написать Вам письмо, но не знал, где Вы живете. Помог мне С.С.Каташ.

Я сам алтаец, работаю по изучению фольклора алтайцев и алтайской художественной литературы, являюсь кандидатом филологических наук, автором многих научных трудов.

Ваше имя давно мне знакомо, особенно по "Когутею". Этот эпос является одним из самых лучших. Записали его Вы. Для истории нашего фольклора необходимо установить, кто такой был Ютканаков, где он жил, имя, отчество, при каких обстоятельствах Вы его записали и когда точно. Кто, кроме Ютканакова, рассказывал этот эпос? Какие еще сказания он знал?

А самое главное — где, у кого находится рукопись оригинала "Когутея" записанная Вами? Нам необходима эта рукопись.

Напишите о себе, ибо Ваше имя прочно вошло в нашу фольклористику.

И, наконец, я просил бы Вас сообщить, знал ли кто-нибудь из телеутов эпос "Алып-Манаш"? Бытует ли он теперь? Кто сейчас рас-

сказывает его? Этот вопрос нас сейчас в сильной мере интересует. Также напишите и о тех, кто из алтайцев прежде исполнял этот эпос. Буду очень благодарен.

Мы с Вами, по-видимому, в скором будущем встретимся и обо многом поговорим. Я собираюсь приехать к Вам.

С глубоким уважением и приветом Суразаков.
12/ХІІ 1956 г.»⁵⁸.

Токмашев послал Суразакову обстоятельное ответное письмо:

«Уважаемый Сазон Саймович!

Я получил Ваше письмо от 12/ХІІ. Оно быстро ко мне не попало, потому что я живу у сына в г. Прокопьевске.

Вас особенно интересует алтайская сказка "Когутей", она же "Когулдей". Она была записана мной в 1914 году летом от сказочника Ютканакова Михаила, проживавшего в поселке Айула на реке Катунь, против Чемала. Запись происходила в его айле вечером, айл бывал каждый вечер полон слушателями. Я тоже слушал и, не останавливая воодушевленного сказочника, записывал отдельные моменты поэтического, красивого и запомнил сказку от начала до конца, а затем следующие три-четыре дня Ютканаков по частям под топшур (струнный шипковый музыкальный инструмент. — *Е.Б., Л.Р.*) повторял сказку, а я записывал дословно с начала и до конца всю сказку. Этот способ записи всегда был для меня лучшим, потому что от сказки ничего не выпадало и не прибавлялось. Ютканаков Михаил, на мой взгляд, в то время был самый яркий из сказочников Алтая, хотя он был не из стариков, а в средних годах. Я записал тогда перечень всех его сказок в отдельном листе, и был этот перечень приложен к "Когутею". Кроме Ютканакова, я не встречал рассказывающего "Когутея", но думаю, что многие сказочники Алтая знали и рассказывали "Когутея".

Алып-Манаш, которым Вы интересуетесь, мне не встречался, я его не знаю. Алып, он же Мойыс, в сказках бывает, т.к. это одно и то же слово, а Манаш — такого имени героя не помню.

Вы просите, чтобы я написал о себе. Что же я могу написать о себе? Я уж теперь престарелый, нет у меня прежних сил и энергии. В молодости я любил собирать сказки и пословицы и прочее у своего народа с тем, чтобы эти народные творения даром не пропали и не исчезли, может быть, они когда-нибудь пригодятся, чтобы полнее осветить историю наших соплеменников алтайцев, телеут, кумандинцев и других <...> К моему несчастью, вот я больше двадцати лет ничего больше не записывал и вдобавок не знаю, сохранятся ли мои сборы.

С уважением Г.Токмашев»⁵⁹.

Встреча С.С.Суразакова и Г.М.Токмашева состоялась в 1957 г. во время экспедиции Суразакова в Кемеровскую область. Магнитофонная запись их беседы хранится в семейном архиве Суразаковых⁶⁰.

В последние годы жизни Георгий Маркелович тяжело болел. Когда болезнь немного отпускала, ездил в Челухоево к родственникам, но большую часть времени проводил в Прокопьевске. Александр Токмашев вспоминает, что отец часто уходил в поле, на природу: «Уйдет куда-то, ковыль рвет, принесет, щетки делает, на базарчик выйдет. Я говорю: "Зачем тебе это нужно? Зачем ты этим занимаешься? Тяжело ведь". Он говорит: "Я уйду в поле — мне так хорошо там, вроде думаешь, одиноко". Это уже последний год был»⁶¹.

Умер Георгий Маркелович в 1960 г. от рака печени в г. Прокопьевске. Ему было 68 лет. В 1992 г. он был реабилитирован посмертно.

Литературные способности отца, интерес к фольклору унаследовали его сыновья. Старший сын Александр закончил горный техникум. Работал на шахте. Собирает материалы о деятельности отца.

Младший сын Михаил — кандидат физико-математических наук, доцент, преподает в Новокузнецком педагогическом институте. Автор ряда книг. Работал над переводами алтайских сказок, оставшихся после смерти отца, о чем он рассказывает в одном из писем Л.Т.Рюминой:

«<...> Я давал Чиспиякову Электрону Федоровичу две телеутские сказки, "Кер-Сагал" и "Палкаштан Жураган палачак", для издания, но он умер. Его жена Чиспиякова Фавзия Гизитуловна пыталась их издать. Электрону Федоровичу я делал подстрочный перевод. Потом этот текст оказался у Фисаковой Г.Г., она приехала ко мне с просьбой помочь перевести текст сказок. У Фисаковой были копии сказок отца, перепечатанные Фавзией Гизитуловной, и, очевидно, было много искажений <...> Я даже сделал в некотором роде литературный, авторизованный перевод на русский язык, работал над этим серьезно и долго и выслал ей в Кемерово <...> Я не знаю, была ли публикация этих сказок, которой я усердно способствовал»⁶².

Ряд фольклорных материалов, записанных Г.М.Токмашевым, хранятся в архиве Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы, а также в архиве МАЭ⁶³.

В последние годы в Горно-Алтайске и Кемеровской области вышло несколько небольших публикаций о Г.М.Токмашеве⁶⁴. Авторы настоящей статьи стремились собрать воедино разрозненные сведения о жизни и творчестве этого человека с трагической судьбой, оставившего заметный след в истории и культуре народов Алтая.

¹ О телеутах в XVII в. см.: *Уманский А.П.* Телеуты и русские. Новосибирск, 1980.

² *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989, с. 190.

³ Православный благовестник. 1893, № 18, с. 37.

⁴ Там же, 1895, № 12, с. 175.

- ⁵ Колоткин М.Н. О проекте «Российского миссионерского общества» Макария Глухарева. — Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996, с. 80.
- ⁶ Государственный архив Алтайского края, ф. 164, оп. 1, д. 80, л. 5.
- ⁷ Там же, д. 82.
- ⁸ Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998, с. 9.
- ⁹ Г.Н.Потанин [Речь на юбилее]. *Речь произнесена 21 сентября 1915 г. в Томске в день чествования Г.Н.Потанина по случаю его 80-летия.* — Литературное наследие Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986, с. 256—258.
- ¹⁰ *Сибирский патриот.* [Мендельсон Н.М.] — Там же, с. 307—308.
- ¹¹ АМАЭ, ф. 11, оп. 1, д. 55, л. 6.
- ¹² Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов. Сб. МАЭ, т. 8. Л., 1929, с. 253—269.
- ¹³ *Потапов Л.П.* Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев (к 55-летию со дня смерти). — Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987, с. 143; *Функ Д.А.* Из истории изучения шорского героического эпоса (1861—1915 гг.). — Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: Традиции и современность. М., 1995, с. 137—146.
- ¹⁴ *Потанин Г.Н.* Ерке. Культ сына неба в Северной Азии: Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916, с. 26. Ссылки на материалы Г.М.Токмашева имеются также в ряде работ Л.П.Потапова См., например: *Потапов Л.П.* Охотничий промысел алтайцев. СПб., 2001, с. 150, 165.
- ¹⁵ Телеутские материалы. Собраны Г.М.Токмашевым. Сказка об Алтай-Куучуны. — Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. III. Вып. 1, с. 62—81.
- ¹⁶ *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Ч. IV, с. 369—371.
- ¹⁷ *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985, с. 122.
- ¹⁸ О А.В.Адрианове подробнее см.: *Дэвлет М.А.* А.В.Адрианов как этнограф. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 9—56.
- ¹⁹ Там же, с. 47.
- ²⁰ Там же, с. 56.
- ²¹ *Курский М.* Заря новой жизни. — Жизнь Алтая. 11.07.1917.
- ²² *Мамет Л.П.* Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1994, с. 68.
- ²³ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину от 20 сентября 1917 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 857.
- ²⁴ Там же, д. 323.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Борозы каан. — Школа и жизнь Сибири. Томск, 1918, № 2, 3. Перевод сказки был переиздан Д.В.Кашубой в 2001 г. См.: Устное народное творчество коренных народов Кузбасса — телеутов и шорцев. Кемерово, 2001, с. 119—167.
- ²⁹ *Просвиркина С.* Долина Эмегень (Алтай). — Школа и жизнь Сибири, № 1; *Анохин А.В.* Кузнецкие инородцы Томской губернии. — Там же, № 2, с. 23—33; *Харузина В.* О занятиях этнографией в средней школе. — Там же, с. 38—40.
- ³⁰ Обращение к гражданам и организациям, интересующимся сибирскими инородцами. — Школа и жизнь Сибири, № 1, с. 84.
- ³¹ *Денисов В.* Перед пропастью. — Там же, № 2, с. 3—8.
- ³² *Токмашев Г.М.* К сказке Борозы каан. — Там же, с. 8—10.
- ³³ Там же, с. 8.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Мамет Л.П.* Ойротия, с. 69.

- ³⁷ Значительная часть земель Горного Алтая до Февральской революции 1917 г. считалась собственностью императорского кабинета — «кабинетскими дачами».
- ³⁸ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину, март 1918 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 1187.
- ³⁹ Алтайский луч. 1918, № 26.
- ⁴⁰ *Мамет Л.П.* Ойротия, с. 87.
- ⁴¹ *Токмашев Г.М.* Письмо Г.Н.Потанину от 24 апреля 1919 г. — Библиотека ТГУ. Архив Г.Н.Потанина, д. 1557.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Государственный архив Республики Алтай (далее ГАРА), ф. Р-55, оп. 8, д. 2. Протоколы заседаний коллегии отдела народного образования, л. 37.
- ⁴⁴ *Гордиенко П.* Ойротия. Горно-Алтайск, 1994, с. 12; Копия протокола допроса Г.М.Токмашева (выписка из следственного дела). — Семейный архив А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁴⁵ ГАРА, ф. Р-55, оп. 8, д. 43, л. 33.
- ⁴⁶ *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 10 декабря 1990 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁴⁷ ГАРА, ф. Р-55, оп. 1, д. 350, л. 13.
- ⁴⁸ Краткую библиографию педагогических трудов см.: *Самаев Г.М.* Один из первых. — Эл-Алтай. Горно-Алтайск, 1991, № 1—2
- ⁴⁹ *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос, с. 219.
- ⁵⁰ *Коптелов А.Л.* Литература Советской Ойротии. — Сибирские огни. 1933, № 6, с. 95.
- ⁵¹ Когутэй. Пер. Г.Токмашева. Ред. и предисл. В.Зазубрина. Введ. Н.К.Дмитриева. М.—Л., 1935; первое изд. на рус. яз. см.: Новый мир. 1933. Кн. 12, с. 51—83. В 1934 и 1935 гг. сокращенные варианты сказания на алтайском языке были опубликованы в Новосибирске.
- ⁵² *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 10 декабря 1990 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵³ Копия протокола допроса Г.М.Токмашева (выписка из следственного дела). — Семейный архив А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁵⁴ *Токмашев А.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 29 февраля 1992 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵⁵ *Токмашев М.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 15 июня 1991 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой.
- ⁵⁶ Полевые материалы Е.П.Батьяновой. Экспедиция в Кемеровскую обл. 2000 г., кассета № 1.
- ⁵⁷ *Эдоков В.И.* Возвращение мастера. Горно-Алтайск, 1994, с. 213.
- ⁵⁸ Из семейного архива А.Г.Токмашева и М.Г.Токмашева.
- ⁵⁹ Из архива С.С.Суразакова (Публикация В.М.Гацака и З.С.Казагачевой). — Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986, с. 311—312.
- ⁶⁰ Там же, с. 312.
- ⁶¹ Полевые материалы Е.П.Батьяновой. Экспедиция в Кемеровскую обл. 2000 г., кассета, № 1.
- ⁶² *Токмашев М.Г.* Письмо Л.Т.Рюминой от 15 июня 1991 г. — Личный архив Л.Т.Рюминой. Упоминаемые в письме Э.Ф.Чиспияков и Г.Г.Фисакова — лингвисты, специалисты по языкам алтае-саянских тюрков.
- ⁶³ В архиве МАЭ хранится оригинал записи на телеутском языке сказки «Тодыл ала Кушкатан» (ф. 11, оп. 1, № 54, л. 1—1об.), сделанной Г.М.Токмашевым, и его наброски перевода этой сказки (ф. 11, оп. 1, № 61, лл. 1—2). Выражаем признательность Д.А.Функу, обратившему наше внимание на эти материалы.
- ⁶⁴ *Самаев Г.М.* Один из первых; *Рюмина Л.* Наш земляк. — Ленинское знамя, 25.VII.1991 г.